**УДК 94 (470) «1914/1918»:314045 ГСНТИ 03.23.55
Код ВАК 07.00.02**

Н.А. Михалев, С.А. Пьянков
Екатеринбург

ЧИСЛЕННОСТЬ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОЦЕНКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, миграции, беженцы, статистика.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена статистическому измерению истории беженства Первой мировой войны в Российской империи. Военные действия стали причиной добровольного бегства или послужили поводом для принудительных выселений сотен тысяч жителей прифронтовых территорий. Авторы рассматривают основные подходы к определению общей численности беженцев, представленные в работах отечественных и зарубежных исследователей. Сделан вывод, что имеющаяся в распоряжении историков общенациональная статистика неизбежно носит оценочный характер и позволяет очертить лишь примерные масштабы беженства, которое могло затронуть от 5 до 15 млн чел.

N.A. Mikhalev, S.A. P’yankov
Yekaterinburg

THE NUMBER OF THE WORLD WAR I REFUGEES IN THE RUSSIAN EMPIRE: ESTIMATES OF NATIVE AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

KEY WORDS: World War I, migration, refugees, statistics.

ABSTRACT. The subject of the article is the statistical dimension of the refugees history of the World War I period in the Russian Empire. Military actions caused both voluntary escape and forced relocation of hundreds of thousands of people from the front-line territories. The authorы studied most commonly used approaches towards the estimates of the total refugees

number in Russian and foreign literature on the subject. A conclusion was made that the available for historic research national statistics was inevitably based on rough estimates and could give only very tentative ideas of the scale of the refugeedom which could have affected from 5 to 15 million people.

Участие России в Первой мировой войне было сопряжено с массовыми миграциями населения. Военные действия вынудили оставить свои дома сотни тысяч жителей прифронтовых территорий. Хлынувшая в 1915 г. в тыловые районы страны волна беженцев не была однородной и включала различные категории мигрантов. Во-первых – это добровольные беженцы разных национальностей, покидавшие родные места под угрозой военных действий. Во-вторых, семьи служащих гражданских и тыловых воинских учреждений. Движение этих двух потоков стимулировалось тактикой русского верховного командования, прибегавшего при отступлении к тактике «выжженной земли», «очищая» от населения целые губернии. В-третьих, значительную группу составили так называемые «выселенцы», то есть представители ряда этнических групп, обвиненные в политической нелояльности и ведении шпионажа (прежде всего, немецкие колонисты и евреи) (См.: 15; 16; 17; 24; 18 и др.).

Массовое прибытие беженцев во внутренние губернии страны началось в июле – августе 1915 г. и в целом завершилось к концу года (16. С. 104). Согласно посуточным данным, полученным с 54 регистрационных пунктов, организованных в Европейской России местными комитетами Земского и Городского союзов, наибольшая интенсивность беженского движения была зафиксирована в сентябре, с середины которого объединенный Отдел по устройству беженцев союзов начал получать соответствующие сведения, и октябре. За эти полтора месяца через пункты прошло почти 5,7 млн чел., или в среднем по 148,9 тыс. в день в сентябре и 111,8 тыс. в октябре. Причем максимум пришелся на последнюю декаду сентября и первую половину октября, когда нагрузка на регистрационные пункты превышала 1 млн чел. Со второй половины октября интенсивность движения беженцев ослабевает (до 78,5 тыс. чел. в день), с ноября – резко падает (до 8,6 тыс. чел. в день), еще более снижаясь в декабре, когда пункты регистрировали в среднем по 1,7 тыс. беженцев в день (Подсчитано по: 9. С. 24-25.).

Собранные местными комитетами союзов сведения об «оседании» беженцев в тыловых регионах наглядно иллюстрируют процесс постепенного продвижения беженского потока вглубь страны: при сохранении и увеличении своего значительного присутствия в губерниях Европейской России и Урала с конца 1915 г. мигранты начинают обосновываться в Сибири, Средней Азии, а также на Кавказе. (1; 2).

Несмотря на то, что усилия, предпринятые Земским и Городским союзами, являлись по существу первой попыткой проведения регистрации беженцев в общеимперском масштабе, собранные ими данные проблему определения общей численности и состава беженского населения в полной мере не решили. Более того, стремления Земского и Городского союзов взять на себя объединяющие и координирующие функции в вопросе регистрации беженцев на общенациональном уровне были незамедлительно пресечены центральной властью. На очередном заседании Особого совещания по устройству беженцев при МВД 26 ноября 1915 г. единогласно было принято решение, что в деле регистрации беженцев должен быть только один центральный орган, а именно функционировавшее при Татьянинском комитете Центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев. Одновременно совещание категорически высказалось против параллельной регистрации беженцев, производимой структурами Земского и Городского союзов (11).

Одна из первых попыток определения общего числа беженцев в империи была предпринята Комитетом еще в конце 1915 г. и показала, что по состоянию на 20 декабря в губерниях Европейской России находилось 2706,3 тыс. беженцев (10. С. 47). Некоторое время спустя, после получения сведений о беженцах из Турции и Персии, оказавшихся на территории Кавказского наместничества, эта цифра была скорректирована (8. С. 18-21). Всего, по подсчетам Комитета, в конце 1915 – начале 1916 гг. общее количество беженцев в России должно было составлять 2943,8 тыс. чел. К 1 февраля 1917 г. их численность в абсолютном выражении увеличилась на 256,7 тыс., составив 3200,5 тыс. чел. (4. С. 11; 5. С. 10; 6. С. 12-13; 7. С. 7, 10).

Несмотря на то, что статистика, собранная усилиями Татьянинского комитета была более полной по сравнению со сводными данными, полученными Земским и Городским союзами, она также учитывала далеко не всех беженцев. На то, что реальная числен-

ность беженцев в России превышала приведенные цифры, указывал уже как сам Комитет, так и некоторые современники (3. С. 9; 20. С. 111). После революций 1917 г. вопрос об определении числа беженцев, порожденных пертурбациями военных лет, был актуализирован в связи с деятельностью созданной в конце 1920 г. при Наркомате здравоохранения РСФСР Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Согласно представленной в Комиссию докладной записке профессора Устинова, заведующего статистическим отделом НКВД, куда были переданы архивы Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, на хранении в отделе находилось «не менее 2½ миллионов» беженских карточек. После «предварительного ознакомления» с «беженским архивом» количество беженских карточек было определено уже как «более 3½ миллионов». Но даже и этот показатель, сопоставимый с данными Татьянинского комитета, отнюдь не отражал «действительных размеров беженской массы». По заключению автора записки, беженская картотека охватывала «данные приблизительно о 5 миллионах беженцев», т.к. «карточки, из которых она (картотека) состоит, заключают в себе сведения о членах семьи» (14. С. 37). М.М. Гран, возглавлявший Комиссию Наркомздрава, критично отнесся к выводам Устинова, оценив принятый тем при расчетах средний размер беженской семьи в 2 человека как цифру «явно преуменьшенную». В соответствии с имевшимися в распоряжении Комиссии материалами переписи еврейских беженцев, осуществленной Еврейским комитетом помощи жертвам войны в 1916 г. в Полтавской, Нижегородской, Саратовской и Екатеринославской губерниях, средний размер беженской семьи определялся в 4 человека. Из осторожности снижая средний размер семьи «для всей массы беженцев» до 3 человек и принимая общую цифру зарегистрированных беженских семей в 3 млн, М.М. Гран приходит к общей численности беженцев примерно в 9 млн чел. Эта цифра, правда, также не являлась окончательной. Далее М.М. Гран указывает, что «регистрация беженцев в процессе ее осуществления обычно захватывала лишь “иждивенцев”, т.е. беженцев в той или иной мере пользовавшихся правительственной или общественной помощью; более состоятельная часть беженцев в период войны в значительной мере ускользала от регистрации». Так, например, согласно переписи еврейских беженцев, которой пользовалась Комиссии, такие «иждивенцы» составляли всего 55% всех беженцев. Кроме того, произве-

денная регистрация беженцев отличалась «крайней неполнотой» еще и в связи с тем, что она не затронула 40-верстную прифронтовую полосу, так как «формально в ней беженцам быть не полагалось, а в тоже время эта прифронтовая полоса была наиболее густо населена беженцами, причем в этой именно полосе на долю их выпадали наиболее тяжкие страдания, лишения; здесь они большими массами болели и умирали, скрываясь в лесах, лишь бы быть поближе к своим разоренным насиженным очагам и гнездам». Учитывая названные обстоятельства, М.М. Гран заключает, что «беженство периода войны 1914–1917 гг. охватило массу населения по меньшей мере в 10, если не в 15 миллионов населения» (14. С. 37-38).

Общая критика данных Татьянинского комитета была поддержана и известным советским демографом Е.З. Волковым. Подобно М.М. Грану, он отмечает, что отказ «мало-мальски обеспеченных групп населения», имевших возможность самостоятельно найти «занятия и кров» во внутренних губерниях, от помощи «патронирующих организаций» и, следовательно, от регистрации в числе беженцев, стал одной из главных причин неточности текущего учета беженцев и их всероссийской переписи 1916 г. Запрет военных властей на проведение последней в прифронтовой полосе по данным Татьянинского комитета, на которые ссылается Волков, оставил «за пределами учета от 500 до 600 тыс. беженцев». Наконец, «чрезвычайная подвижность беженской массы» являлась еще одним обстоятельством, препятствовавшем ее адекватному учету (13. С. 69-70).

По расчетам Е.З. Волкова, основанным на результатах разработки Татьянинским комитетом материалов всероссийской переписи беженцев, «на вторую половину 1916 г. должно было бы находиться в пределах страны до 3969,2 тыс. беженцев-иждивенцев». Сюда им были включены 600 тыс. беженцев, находившихся в неохваченной переписью прифронтовой полосе, а также 121,5 тыс. беженцев, числившихся на пайковом снабжении патронирующих организаций, регистрационные карточки на которых в Комитет к концу 1916 г. так и не поступили. Эти 121,5 тыс. Е.З. Волков относит на «счет погибших от болезней и голода» и соответственно снижает полученный им вначале общий показатель численности беженцев до 3847,7 тыс. чел. против 2897,1 тыс. на начало 1916 г. В 1917 г. общее количество беженцев продолжает увеличиваться,

особенно во второй половине года после прорыва западных и кавказского фронтов летом этого года. На 1 января 1917 г. общее число беженцев, согласно Е.З. Волкову, возросло до 5255,5 тыс. чел. Вызванная июльским прорывом волна новых беженцев довела их общую численность до 6390,7 тыс. чел. (13. С. 72).

Помимо этого, исследователь считает необходимым включить в число беженцев выселенцев из западных областей России, «по преимуществу принадлежавших к жителям городских местностей, прибывавших во внутренние губернии бывшей империи и расселившихся также преимущественно по городам без того, чтобы официально регистрироваться в патронировавших беженское население организациях». Численность этой категории беженцев Е.З. Волков принимает в 17,8% от «патронируемого беженства» (без беженцев прифронтовой полосы), исходя из определенного Татьянинским комитетом количества беженцев-горожан в общей массе «беженцев-иждивенцев» (без беженцев, находившихся в прифронтовой зоне). Применяя этот коэффициент к промежуточным итогам своих расчетов, а также используя собственные коэффициенты интенсивности результатов военных действий за 1914 и 1915 гг., Е.З. Волков получает следующую погодную динамику численности беженцев за весь период войны (табл. 1). Причем, итоговую цифру общей численности беженцев к концу войны в 7421,4 тыс. чел. Волков, ссылаясь на более ранние расчеты М.М. Грана, склонен считать в большей мере «преуменьшенной, чем преувеличенной» (13. С. 71-72).

Таблица 1

Скорректированные показатели динамики численности беженцев в России в 1914-1918 гг., по данным Е.З. Волкова, тыс. чел. (13, С. 75)

Погодная динамика прибытия		Аккумулятивные итоги по годам	
Годы на 1 января	Ежегодный прирост	За год	Общая численность
1914	–	1914	892,6
1915	892,6	1915	3306,0
1916	2413,4	1916	6084,2
1917	2778,2	1917	7421,4
1918	1337,2		

Поскольку в советской историографии проблема российского беженства периода Первой мировой войны специально не рассматривалась, то и вопрос об общей численности беженцев после выхода в 1930 г. работы Е.З. Волкова также не попадал в фокус специального внимания советских историков. При этом данные Волкова неоднократно приводились в ряде работ советских историков-демографов (19. С. 100; 12. С. 92-93).

Один из первых современных отечественных исследователей, обратившихся к проблеме российского беженства Первой мировой войны, А.Н. Курцев поставил корректность рассчитанных Е.З. Волковым показателей под сомнение, охарактеризовав сведения об итоговой численности беженцев (7,4 млн на лето 1917 г.) как завышенные. Опираясь на официальные статистические данные периода войны, А.Н. Курцев фактически солидаризуется с мнениями участников Пироговского съезда врачей 1916 г. и полагает, что к концу 1917 г. общая численность «перемещенных граждан в период Первой мировой войны в России» достигала 5 млн чел. По его мнению, эта цифра охватывает не только учтенные «жертвы войны», но и «незарегистрированных людей», мужчин-беженцев, мобилизованных в армию, новых беженцев 1917 г. (16. С. 98, 108).

Другой современный исследователь, английский историк Питер Гетрелл, также не считает методику расчетов Е.З. Волкова полностью удовлетворительной. Он отмечает, что отнесение почти 900 тыс. чел. на вторую половину 1914 г. «не может быть оправдано, учитывая то, что известно о воздействии военных действий на гражданское население». К тому же, пишет Гетрелл, Волков, по-видимому, преуменьшил размеры беженского перемещения в тече-

ние 1915 г. и преувеличил его масштабы в 1916 г. Спорным по Гетреллу является и предположение Волкова, что за первое полугодие 1917 г. число перемещенных лиц выросло более чем на 1,25 млн чел. Тем не менее, в отличие от А.Н. Курцева, П. Гетрелл принимает общий результат на июль 1917 г., к которому пришел Е.З. Волков (т.е. 7421,4 тыс. чел.), как вполне «обоснованный приблизительный показатель», сопоставимый с данными других источников (См.: 23. P. 213; 21).

Итак, военные действия стали причиной добровольного бегства или послужили поводом для принудительных выселений сотен тысяч жителей прифронтовых территорий. Движение беженского населения приняло столь значительные размеры, что почти официально уподоблялось «второму великому переселению народов» (22. С. 37). Используемые для его описания метафоры («волна», «наводнение», «лавина», «саранча» и т.д.) не только подчеркивали внезапность и интенсивность последнего (23. P. 200.). Они также недвусмысленно отражали отсутствие действенного контроля над этими миграционными потоками. Поэтому имеющаяся в распоряжении исследователей общенациональная статистика неизбежно носит оценочный характер и позволяет очертить лишь примерные масштабы беженства, которое могло затронуть от 5 до 15 млн чел., превратившись в один из факторов нараставшего социально-экономического и политического кризиса в стране.

Источники:

1. Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу декабря 1915 г. // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 30, 31. С. 158.

2. Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 мая 1916 г. // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 40. С. 114.

3. Деятельность Особого отдела Комитета ее императорского высочества // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 18. С. 9

4. Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 1. С. 11.

5. Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 4. С. 10.

6. Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 12-13

7. Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 19. С. 7, 10.

8. Несколько цифровых данных о беженцах на Кавказе // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 10. С. 18-21.

9. Отчет деятельности Отдела по устройству беженцев Всероссийского Земского и Городского союзов. Б.м., б.г.

10. Отчет о деятельности Особого отдела Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916.

11. Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. Пг., 1915.

Литература:

12. Брук А.С., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1991.128 с.

13. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.-Л.: Государственное издательство, 1930. 273 с.

14. Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Т. 1. М., 1923. С. 9–46.

15. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.

16. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

17. Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России, 1914-1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42–53.

18. Первая мировая война // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / редкол.: Д. Брауденс, Х. Зундхаус, Ш. Требст; отв. ред. Д. Мешков. М.: РОССПЭН, 2013. С. 415–417.

19. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 270 с.

20. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М.: Дело, 1917. 214 с.

21. Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914 – 1922 гг. в контекстах новейшей отечественной и зару-

бежной историографий // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 3(20). С. 140–152.

22. Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) / Сост. А.Н. Яхонтов // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 5–137.

23. Gatrell P. Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. 317 p.

24. Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. Vol. 60. № 3 (Jul., 2001). P. 404–419.

УДК 94(470.5)»1941/1945»
ББК 369.78.2 ГСНТИ03.23.55 ВАК 07.00.02

Н.Н. Мельников
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ВЫПУСКА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, экономическое развитие, производство строительных материалов, Великая Отечественная война.

АННОТАЦИЯ. В статье исследованы основные проблемы снабжения уральских промышленных предприятий строительными материалами. Проанализировано состояние производства стройматериалов в начальный период войны. На основе широкого круга источников, вновь вводимых в научный оборот, показаны масштабы и причины дефицита этих материалов.

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-01-0036